

К ЭТИМОЛОГИИ И СЕМАНТИКЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ И АСТРОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

*luna

Как известно, в этимологической литературе существует разделение двух праславянских омонимов *luna I ‘луна, небесное тело’ и *luna II ‘смерть, несчастье’, причем *luna II объясняется как слово, родственное лит. *lavónas* ‘труп’, *liáujuos*, *liáuhtis* ‘прекращать’, сюда же относится праслав. **lěviti* (укр. *livítu* ‘слабеть, уменьшаться’, гот. *lēwjan* ‘предавать’) (ЭССЯ 16, 147, Verneker I, 745, Фасмер II, 533). Несмотря на большую убедительность данной этимологии, все же, на наш взгляд, есть возможность не разделять *luna I ‘луна, небесное тело’ и *luna II ‘смерть, несчастье’. Для одного из доказательств (а их может быть несколько вариантов) обратимся к астрологическим воззрениям древних славян, определявших судьбу по расположению планет, в частности, по луне. Ср. отрывок из текста XVII в.: "Сии луны б(о)гъ положил не в предѣлах, якоже и прочии звѣзды, но обтекають по всему н(е)бу, знамение творя или во гнѣвъ, или в м(и)л(о)сть". (Ав.Ж.) Пустоз. Сб.¹, 14. 1675 г. (СлРЯ XI–XVII вв. 12, 173).

Суеверный человек в первую очередь ждал дурных знаков от расположения планет, в частности, состояния луны. Любопытно, что в кашубско-словинском языке созвездие носит название *znak* "Sq dobrí i zle znaki" (Sychta VI, 244). У заимствованного рус. слова *планета* (разг. *планида*) есть значение ‘судьба’. Развитие значений могло быть таким: ‘луна, предсказывающая гибель’ → ‘смерть’. Контекст, в котором встречается смол. *луна* ‘смерть’ также, на наш взгляд, служит подтверждением нашей гипотезы: Кали жь придзѣць на ягб *лунá* тяя! (Даль² II, 273), т.е. придет луна, несущая смерть, несчастье.

В древнерусском языке слово *луна* имело также значение ‘небесное тело, комета’: "Бысть знамение на небеси... кровавые луны ходили" (1614: Псков. лет. II, 278); "Есть на небеси пять звѣздъ заблудных, еже именуются луны... Егда заблудная звезда, еже есть луна, подтечетъ под солнце от запада и закроетъ свѣтъ солнечный, то солнечное затмение за гнѣвъ божию к людям бываетъ". (Ав. Ж. 4, 1673 – СлРЯ XI–XVII вв. 8, 305). Появление комет также наводило ужас на древних славян, сулило несчастье, смерть. В таком случае возможен был переход значений ‘луна’ → ‘комета’ → ‘несчастье, смерть’. Так у продолжений праслав. **metla* соседствуют значения ‘несчастье, напасть’, ‘комета’, ‘хвост кометы’: чеш. *metla* ‘несчастье, напасть’, ‘хвост кометы’, сербохорв. *mètila* ‘комета’ (Jungmann II, 430, РСА XII, 453).

* © Т.В. Горячева

Любопытно, что польск. *synozura* 'созвездие', заимствованное через латинский из греческого *kynos urē* 'собачий хвост' в XVII в., приобрело значение 'пророчество, предсказание' (Brückner 70).

Еще в древнерусском языке слово *планита*, заимствованное из латыни, как уже упоминалось выше, употреблялось в значении 'светило небесное' (Срезневский II, 953), позже приобрело значение 'судьба'. В русском языке, в просторечии слово *планета* было искажено в *плани́да* 'судьба'. В русских говорах (оренбургских) слово *полони́да* записано в значениях 'чудо, диво, удача' (СРНГ 29, 112). Интересно, что в польских говорах выражение *układać planity* значило 'сплетничать, в о р о ж и т ь'¹. В украинском языке также есть слово *планета* в значениях 'планета', 'судьба; некая таинственная сила', бытует также выражение "*Планета їх знає*" – "черт их знает". *Планетник* в украинском языке – 'астроном', *планітний* – 'приносящий помощь', *планітувати* – 'быть полезным, помогать', *планітуватий* – 'сведущий во влиянии планет на погоду' (Гринченко III, 191). В белорусских говорах записано также слово *плани́да* в значении 'судьба, высшее предназначение', 'множество' (Бялькевич 332).

В польских говорах обращает на себя внимание слово *planeta, plameta* в значении 'облако', *planety wiatrowe* – 'небольшие, белые облачка'². Есть и слово *planetnik* – 'человек, управляющий облаками, несущими град и т.п.' (Kusała 282). В западноволыньских говорах украинского языка отмечено слово *планита* в значении 'большая грозовая туча', а также *планітник* – 'чародей, который разгоняет грозовые тучи'³.

Возможно, оба эти слова заимствованы из польского. В русском языке словосочетание *небесная планида* употребляется для обозначения сильной грозы (СРНГ 20, 316). Вероятно, это эвфемизм, такой, как, например, *божья воля, божья милость* – 'о грозе, молнии' и т.д. Интересно употребление в оренбургских, вятских говорах выражения *божья планида* в значении 'природа'. Такой же эвфемизм представляет собой записанное в новосибирских говорах слово *планида* в значении 'дождевое облако, туча'. "Но хуже, если идет какая *планида*, а *планида* – облако тако дождево. Как туча идёт чёрна, так *планида* – дождь будет" (Новосиб. словарь 389). Если это не заимствование из украинского, а оно возможно, если иметь в виду переселенческий характер населения Сибири.

Польские диалектные названия облаков (*planeta, plameta*), видимо, возникли на основе восприятия облаков как движущегося небесного тела, но не исключено развитие значений 'судьба' → 'облако'. На Руси были *облакогонители* – 'те, кто могли перемещать облака с помощью магии, те, кто гадают, предсказывают по форме облаков' (СлРЯ XI–XVII вв. 12, 66).

В украинских говорах Полесья записано слово *пламета* в значении 'психическая неустойчивость': "Найшла на його *пламета*" (ср. выше: Кали же придзёць на яго *луна́ тая*) (Лисенко 162), в белорусских гово-

рах *плагмэтытысь* – ‘хандрить’⁴, *оплагмідзець* ‘растеряться, изумиться, одуреть’ (Тураўскі слоўнік 3, 259), *плагмідны, плагмінны* экспр. ‘завистливый человек’ (Слоўн. паўн.-заход. Беларусі 3, 529). Эти значения, возникшие в связи с движением планет, развивались таким образом: ‘движение (планеты)’ → ‘психическая неустойчивость’ → ‘хандра’. Далее, произошло развитие значения ‘неустойчивость’ → ‘плохая погода’. Это значение мы находим у украинского словосочетания *плагмэтна погода* ‘плохая погода, непогода’ (Лисенко 162), *плагмэтна погода* ‘бурная непогода с громом и молнией’ (Никончук 103). Итак, некоторые значения слова *планета* как бы подтверждают наши предположения о генетическом единстве **luna* I и **luna* II. Интересно, что в белорусских говорах слово *плагмэта* обозначает ‘полнолуние’ (Слоўн. паўн.-заход. Беларусі 3, 529).

Другая, менее вероятная, гипотеза (подтверждающая единство **luna* I и **luna* II) базируется на возможном сематическом изменении ‘луна’ → ‘слабый, тусклый свет’ → ‘сумерки’ → ‘смерть’. Так, глагол **luniti* имеет продолжение *лунить* в русских говорах в значениях: ‘рассветать, светать’ (тихв. новг., волог., калин.), ‘светить, освещать слабым светом’ (пск., твер., новг., волог.) (СРНГ 17, 194), слово *лунь* в новгородских говорах значит ‘тусклый свет, отблеск’, в свердловских говорах – ‘смутное, неопределенное очертание предмета’ (Там же), наречие *лунно* в тех же говорах записано в значениях ‘светло’ и ‘тускло, неясно’ (Там же, 196), и, наконец, в новгородских говорах записано слово *лунник* ‘сумерки’: “Пять часов, еще не совсем стемниться, на улице-то *лунник*” (Там же, 195). В сербохорватском языке слово *луна* имеет еще значение ‘нечистый, замутненный воздух’, а также развившееся, видимо, из этого значения ‘отвратительная погода, плохая погода’ (РСА II, 629).

Значение ‘смерть’ может восходить к значению ‘тусклый свет, сумерки’, ср. связь значений ‘вечер, ночь, темнота’ и ‘умереть’. Так, С. Каралюнас связывает др.-инд. *daṣā* ‘вечер, ночь, темнота’ с лит. *dūsti* (*dūsta*, *dūso*) ‘задыхаться, умереть’. Там же он сопоставляет в этимологическом плане прус. *bīta* ‘вечер’ с лит. *bėtariotis* (-*ojasi*) ‘слабеть, ослабевать, дохнуть, гибнуть’⁵.

Наконец, третья версия основана на том, что с лунными фазами, связана болезнь лунатизм, то же, что сомнамбулизм (название – от ложных представлений о влиянии лунного света на человека). Возможно, слово **luna* имело также значение ‘болезнь’, перешедшее затем в значение ‘смерть’. Луна могла, по суеверным представлениям, лишить человека сознания, привести в обморочное состояние. Так, в калининских говорах записан глагол *облунэть*, одно из значений которого – ‘лишиться сознания, упасть в обморок’ (СРНГ 22, 111), ср. блр. диалектное *лунуць* ‘потерять сознание, упасть’⁶, *алуніць* ‘заморочить, сбить с толку, одурачить’ (Слоўн. паўн.-заход. Беларусі 1, 89), *алунэць* ‘сделаться ненормальным, одуреть’ (Там же, 78).

Настроение человека, как и его здоровье, связывалось с состоянием луны: так, в псковских говорах есть выражение: "Какая луна зайдет (зайдет) на кого-либо" – 'В зависимости от того, какое будет настроение у кого-либо' (СРНГ 10, 109); ср. также сербохорв. диал. *luna* 'дурное настроение, расстройство, бессмысленная ярость' (Hraste-Šimunović I, 511), *полўньити се, пдлўњим се* 'нахмуриться, насупиться' (Толстой³ 405), *луњав, -ї, -а, -о* 'удрученный, повесивший голову' (Там же, 244). Интересны записанные в словенском языке выражения "*luna ga nosi*" – он страдает лунатизмом; "*ali te luna trka?*" – ты безумен?; "*luna ga šeška*" – он находится в меланхолии (Plet. I, 536). Ср. также макед. *луничав* в значении 'вспыльчивый, горячий, крутой, своенравный' (Конески I, 391).

Итак, изложены три версии, объясняющие наличие у праслав. **luna* 'луна' значения 'смерть'. Авторы Этимологического словаря белорусского языка выделяют *луна*₅ 'несчастье, бедствие' (значение зафиксировано в белорусском языке), которое считается родственным укр. *лун, лунь* в выражении *лўна пїямати* 'умереть', рус. диал. *луна* 'смерть' (сюда же относится болг. *лўна* 'сильный ветер с вихрем', *лўна* и *лўня* 'буря', чеш. диал. *luňák* 'сильный ветер') и связывается с праслав. **lěviti* (родств. лит. *lavónas* и *liavonas* 'труп', прус. *au-laūt* 'умереть' и т.д. (ЭСБМ 6, 52). Значения 'сильный ветер с вихрем', 'буря' могли развиться из значения 'несчастье, смерть'. Сюда же можно отнести еще сербохорватское *луња* ж. 'холодный дождь' (РСА 11, 630), макед. *луна* 'буря, гроза, ураган', *лунав* 'бурный, ураганный' (Конески I, 391), болг. диал. *лўн* 'земля и песок, нанесенные бурей'⁷. Ср. в отношении семантики укр. диал. (черниг.) *пагбда (погода)* 'несчастье'⁸, польск. диал. *bieda* 'непогода, слякоть, холод, дождь и метель, вьюга' (Sl. gw. pol. II, 1(4), 155), руск. смол. *гїба* 'снежная вьюга'⁹. Интересна также приведенная в Словаре Даля поговорка: "Кому счастье, кому ненастье" (Даль² IV, 371).

Праслав. **čirъ*, русск. *церь*, укр. диал. *зацірвило*

Относительно происхождения праслав. **čirъ* 'чирей' в этимологической литературе существует несколько версий: сравнивают с греч. σκίρρος 'отвердение, отверделая опухоль', делается попытка осмыслить **čirъ* как производное от **(s)ker-* 'резать', предполагается происхождение из тюркских языков (ЭССЯ IV, 116, Słownik prasłowiański 2, 203–204), причем составители этих двух словарей признают слово **čirъ* словом с неясной этимологией. В.А. Меркулова предложила еще одну версию происхождения слова **čirъ*, объяснив его как образование от и.-е. **(s)kái-*, *(s)kī* 'жар, жара' с расширителем *-r*¹⁰.

Рассмотрим одну из этих версий (от и.-е. **(s)ker-* 'резать'), принадлежащую Г. Ильинскому. Он считает, что праслав. **čirъ* представляет собой, по-видимому, удлинненную низшую ступень корня **ker-* 'резать' и

так относится к имени **kora*, как **dira* к **dora*. Это, по его мнению, такое же отглагольное образование от **čirati*, как **dira* – от **dirati*. Такое объяснение, по его мнению, находит подтверждение в многочисленных славянских названиях опухолей "от корня 'резать'", ср. слав. **verdъ* 'нарыв' при др.-инд. *vardh-* 'резать', чеш. *na-dor* 'шишка' при **dbrati*. Далее, он связывает праслав. **čirъ* с рус. *чирать* 'портиться, завялеть' и *чир* 'тонкая ледяная кора', а также с греч. σκίρρος, приведенным выше¹¹. Однако рус. *чирать* 'портиться, завялеть' и *чир* 'тонкая ледяная кора' согласно последующим исследованиям являются заимствованиями. Подтвердить эту версию Ильинского могут некоторые лексемы, представленные в словарях, вышедших сравнительно недавно. Это рус. диал. забайк. *чир* 'небольшой вырез во фронте для прохода на чердак': "*Чир* до того маленький, что беляк еле через него протиснулся" (Элиасов 454), *прóчир* 'место на теле, где был чирей': "*На прочире* место слабо" (Там же, 339), блр. диал. *зачьір* 'паз внизу бочки' (Сцяшковіч. Слоўн. 164). Составители Этимологического словаря белорусского языка считают это слово безаффиксным образованием от глагола *чырыць*, *зачыріці*, при этом значение корня *чыр-*, по их мнению, может быть 'резать', а сам корень – вариант и.-е. корня **(s)ker-* 'резать' (ЭСБМ 3, 310). Белорусское *чырыць* в значении 'волочить, тянуть какой-нибудь предмет по какой-нибудь поверхности так, чтобы предмет или его заостренный конец скреб поверхность, врезался в нее' представлено в Словаре Янковского (Янкоўскі II, 194), там же этот глагол употребляется в связи с названием *рòжа* (болезнь): *чырыць рожу* – 'заговаривать рожу, обводя больное место ножом с острым концом' (Там же, 195). Интересно, что у носителей русского языка существовало подобное магическое действие, помогающее исцелению от чирея, оно имело название *задавливание чирея*: "Суком дерева чертят по чирею, "шепчут" и придавливают чирей ногтем пальца" (Ачин., Енис., Жив. стар., 1897. – СРНГ 10, 42). В белорусских говорах (гродн.) глагол *чырыцца* значит 'тянуться, оставлять за собой след': "Падымі канец жéртк'и, а то б́удз'а *чырыцца* па з'амл'ё, накул' зав'аз'еш' (Сцяшковіч. Слоўн. 551). Этот глагол встречается и в префиксальной форме: блр. диал. *абчырыць* 'обчертить, обвести линией', 'намазать, напачкать', 'окружить' (Янкова 17), *абчырыць* 'ободрать, обрезать' (Слоўн. цэнтр. Беларусі 1, 18), а также в украинских говорах – *одчирать*, *одчирить* 'отделять чертой от чего-нибудь; отчеркивать' (Лисенко 142), укр. *обчирати*, *обчёрсти* и *обчёрти*, *обічуру*, *реш* – 'обдирать, ободрать кору, кожу' (Гринченко 3, 32). Белорусское *чырыць* 'тащить, царапать' и укр. диал. *черіти* 'облупливать кору' помещены под праформой **čeriti* в ЭССЯ 4, 66 (рассматриваются как её продолжения), восходящей к и.-е. **(s)ker-* 'резать, царапать'. Глаголы *одчирать*, *обчирати* восходят к итеративу ***čirati* 'драть, отделять чертой'. К этому итеративу также может восходить **čirъ*,

как **dira* – к **dirati* (см. выше у Ильинского). Здесь еще нужно добавить, что "взаимосвязь значений 'отверстие' → 'нарыв' подтверждают рус. *нарыв* (< *рвать*), укр. *ску́ла* 'нарыв, болячка' и чеш. *skulina* 'щель, трещина, отверстие', как считает Л.В. Куркина¹².

Интересно, что составители Праславянского словаря в статье на **čirъ* 'чирей' приводят укр. диал. *чир* (к сожалению, без указания источника) в значении 'лыко, луб' (*Słownik prasłowiański* 2, 203), т.е. 'то, что отделено, отодрано'.

В ярославских говорах записано слово *чи́черы* в значении 'болячки на голове' (Ярослав. словарь. У–Ящорка, 60). Возможно, что это осложненное экспрессивным префиксом *чи*-слово *чир* 'болячка, чирей', которое деэтимологизировалось и закрепилось как *чи́чер* (заударное "e" < "и"). От этого слова, по-видимому, образовались глаголы рус. диал. (забайк.) *чи́череть* 'чахнуть, хиреть, вянуть' (Элиасов, 454), яросл. *чи́череветь* 'терять силы, здоровье, хиреть', 'останавливаться в росте, чахнуть, увядать (о растениях, животных)', 'становиться грязным, неряшливым (о человеке)' (ср. *чируха*, м. и ж. 'грязнуля' – Ярослав. словарь. У – Ящорка, 59), 'замерзать, коченеть от холода' (Там же, 60). Глагол *чичереть* представлен в русских говорах и осложненным префиксами: яросл. *зачи́череть* 'загрязниться' (Ярослав. словарь. Дикариться–Иштык, 113), *зачи́череветь* 'захиреть, заболеть, похудеть' // 'покрыться чирьями', 'остановиться в росте, захилеть (о животном, птице, растении)', 'утратить собранность, подтянутость, опуститься, засидеться', 'покрыться грязью, загрязниться', 'сильно озябнуть, закоченеть' (Там же), *приамур, зачи́череветь* 'покрыться болячками, запаршиветь', 'затвердеть (о земле)' (Приамур. словарь 102), сев.-двин. *очи́череветь, -еет*, сов., *неперех.* 'загрубеть, заскорузнуть' (СРНГ 25, 69). Здесь очевидно, развитие значений было следующим: 'покрыться чирьями' → 'зачахнуть' → 'загрязниться' и 'окоченеть'.

О.Н. Трубачев поместил некоторые из этих глаголов в ЭССЯ под праформой **čavьrěti*, которая представляет собой сложение экспрессивного элемента **ča-* и глагола **vьrěti* 'кипеть, потеть, усыхать', откуда затем 'чахнуть, вянуть' (ЭССЯ 4, 32).

В одних и тех же ярославских говорах записано как слово *чи́черы* 'болячки на голове', так и слово *чи́чер* 'резкий, холодный ветер' (Ярослав. словарь. У–Ящорка, 60). В.И. Даль отмечает слово *чи́чер* м., *чи́чера* ж. в тульских, орловских, тамбовских, рязанских говорах в значении 'резкий, холодный осенний ветер с дождем, иногда и со снегом, хижка, мжичка' (Даль² IV, 609). В новосибирских говорах слово *чи́чер, -а*, м. записано в значении 'мелкий, холодный дождь с ветром и снегом': "*Чичер* – это буран со снегом, такой сырой", "*Чичер* зовут мелкий холодный дождь, когда сеет осенний дождь, *чичером* называли' (Новосиб. словарь 587). О.Н. Трубачев слово *чичер* связывает с с.-хорв. *čić* 'иней', *чи́ч* м.р. 'сильная стужа, холод', *ци́ч*, *цић* м.р. (черногор.) в

выражении: *пукао цич* (о большом холоде, морозе) и возводит рус. *чичер* к и.-е. **kiker-* или, скорее, к **kejker-*, объясняя значение ‘резкий, холодный ветер’ как эволюцию из более древнего ‘слепящий, слепой ветер’, сближая, далее, реконструированную форму с лит. *kaikaras* ‘высокий и сутулый’, ‘лодырь’, др.-инд. *kikara-* ‘косой, косоглазый’, сюда же он относит лат. *caecus* ‘слепой, темный’ и др.-ирл. *caech* ‘одноглазый’, гот. *hais* то же. Они продолжают и.-е. **kai-ko-*, производное с суф. *ko-* от **kai-* ‘один, единственный’¹³.

Кажется, однако, что рус. *чичер* – довольно позднее образование, этимологически тождественное слову *чичеры* ‘болячки на голове’. Здесь, возможно, было следующее развитие значений *‘болезнь’ → ‘холод’, ‘холодный ветер’. Ср. приводимое составителями Праславянского словаря под праформой **čirъ* ст.-чеш. *ščirík* ‘некая болезнь’ (Słownik prastłowiański 2, 205).

В забайкальских говорах Элиасовым было записано слово *церь*, и, ж. в значении ‘наледь, вздувшийся лед’: “Лед-то был не толстый, а вот *церь*, наверно, с поляршина поднялась. *Церь* была неровная, и сани все время кидало то вверх, то вниз” (Элиасов 448). В смоленских говорах находим *церь* в значении ‘наплывы смолы на дереве’¹⁴. Последнее можно отождествлять с белорусскими и украинскими названиями гриба-трутовика, которые составители Праславянского словаря помещают как местные варианты праслав. **čirъ* ‘чирей’ (Słownik prastłowiański 2, 203). Назовем некоторые из них: блр. диал. *цэра* ‘трут для высекания огня, добываемый с берез’ (Касьяровіч 166), *чэр* ‘гриб на дереве’ (Слоўн. паўн.-заход. Беларусі 5, 447), *цыра* то же (Сцяшковиц. Гродн. 541). *цыр*, *цывір* ‘березовый гриб, чага’¹⁵, *цыр* ‘высушенный гриб (чага)’¹⁵, ‘нарост на дереве, который после обработки употреблялся при высекании огня’¹⁶, *цэль* ‘базидиальные грибы, губа’¹⁷, *цэр* ‘гриб на дереве’¹⁸, *чыэр* ‘гриб на дереве’¹⁹. В украинском Полесье записано название чаги, трутового нароста на березе *чир*, *чір*, *цір* (в сравнении: *сух’ї*, йак *чір*, *цір* м.р.) (Никончук 63).

В.А. Меркулова в упомянутой выше статье приводит еще блр. литер. *цэрь* ‘трут, приготовленный для высекания огня из губки, растущей на березе’ (Носович 693), *чэра* ‘трут для высекания огня’ (Байкоў–Некрашевіч 341), диал. *цэр*, *цэра* то же: “На бярозе расце *цэра*”, “...калі *цэр* у попеле памачыць, высушыць і пабіць, ён жоўты такі і гарыць” (Слоўн. паўн.-заход. Беларусі 5, 377), реконструируя эти формы как **čirъ*, **cъrъ* и возводит в месте с праслав. **čirъ* ‘фурункул’ к и.-е. *(s)*kāi-*, **skī* ‘жар, жара’ с расширителем *-r*²⁰. Однако все же предпочтительнее позиция авторов Праславянского словаря, поместивших белорусские и украинские названия гриба-трутовика как варианты праслав. **čirъ* ‘чирей, гриб-трутовик’.

Забайкальское *церь*, бытующее, вероятно, в речи русских переселенцев, тождественно смол. *церь* ‘наплывы смолы на дереве’, его

значение 'наледь, вздувшийся лёд' может быть метафорой по отношению к последнему, а также, вероятно, и к значению 'древесный гриб, чага', если оно было у смол. слова *церь*.

Любопытную запись украинского диалектного слова *зацірвило* в значении 'похолодало' находим в дипломной работе В.В. Бабинца²¹, посвященной изучению говора села Лавки Мукачевского района Ужгородской области. Этот глагол, видимо, был образован от варианта **čirъ* 'фурункул' *цир*, как блр. диал. *цэрвыты* 'болеть, чахнуть' (Слоўн. паўн.-заход. Беларусі 5, 377) от варианта *цэр* того же **čirъ*, ср. рус. диал. (псков., смол.) *обчірветь* 'покрыться чирьями' (СРНГ 22, 266), укр. *червѣти* 'болеть' (Гринч. IV, 453) а также блр. диал. *цыраць* 'болеть' (< **čirati*?)²².

Развитие значений укр. *зацірвило* могло быть следующим: 'покрываться чирьями' → *'болеть' → 'холодеть'. Ср. с точки зрения семантики: яросл. *дохнуть* 'болеть', 'зябнуть' (Ярослав. словарь. Дикаряться – Иштук, 17), блр. диал. *чáхнуць* 'остывать' 'чахнуть, хворать' (Янкова 109).

Примечания

- ¹ *Maciejewski J.* Słownik chełmińsko-dobrzyński. (Nemoń, Dulsk). Toruń, 1969, 222.
- ² *Kurpiszewski W.* Słownictwo meteorologiczne w gwarach i historii języka polskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969, 17–18.
- ³ *Корзюк М.М.* Матеріалы до слоўніка західноволинських говірок // Українська діалектна лексика. Київ, 1987, 186.
- ⁴ *Сіреда П.І.* Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Брэстчыны // Народная лексика. Мінск, 1977, 82.
- ⁵ *Каралюнас С.* К выражэнню проціпаставлення 'раннее' – 'позднее (время дня)' (соотв. 'утро' – 'вечер') в балтийских и некоторых других и.-е. языках // Этимология. 1984. М., 1986, 75.
- ⁶ *Трухан Г.М.* З лексікі Замошчаў // Жывое народнае слова: Дыялекталагічны зборнік. Мінск, 1992, 102.
- ⁷ *Шклифов Б.* Речник на костурския говор // БД VIII. С., 1977, 261.
- ⁸ *Курило О.* Матеріялы до україньскої діалектології та фольклористики. У Києві, 1928, 120.
- ⁹ Ученые записки См ГПИ имени Карла Маркса. Вып. IX, 1958 (Раздел II. Слова, собранные в различных районах Смоленской области и выписанные из некоторых печатных и рукописных источников), 125.
- ¹⁰ *Меркулова В.А.* К этимологии праслав. **čirъ* // Этимология 1988–1990. М., 1992, 63–65.
- ¹¹ *Ильинский Г.* Славянские этимологии. XLII. Праслав. *čirъ* 'опухоль' // РФВ LXX. 1913, 258–260.
- ¹² *Куркина Л.В.* Заметки по болгарской этимологии // Этимология. 1978. М., 1980, 40.
- ¹³ *Трубачев О.Н.* Заметки по этимологии некоторых нарицательных и собственных имен. Русск. диал. *чичер*, сербохорв. *чи`ч*, *ци`ч* и родственные // Этимология. 1971. М., 1973, 80–82.
- ¹⁴ *Иванова А.И., Кустарева М.А., Моисеев Б.А.* Материалы для "Смоленского областного Словаря" // Учен. зап. Смоленского пед. ин-та, вып. IX. Кафедра русского языка. Смоленск, 1958, 152.
- ¹⁵ *Крывіцкі А.А.* Гаворка вёскі Яскавічы Салігорскага раёна. Слоўнічак і некаторыя асаблівасці будовы слоў // Народная словатворчасць. Мінск, 1979, 112.

- ¹⁶ *Варава Г.* З лексікі вёсак Бабровічы, Замасточча, Катка, Слабодка // *Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы.* Мінск, 1960, 119.
- ¹⁷ *Кучук І.М.* Назвы раслін на Мазыршчыне // *Жывое слова.* Мінск, 1978, 214.
- ¹⁸ *Зубрыцкі С.* З лексікі вёскі Шклянцы // *Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы.* Мінск, 1960, 148.
- ¹⁹ *Клімчук Ф.Д.* З народных назваў грыбоў // *Жывое слова.* Мінск, 1978, 188.
- ²⁰ *Меркулова В.А.* Указ. соч., 65.
- ²¹ *Бабінец В.В.* Говірка села Лавкі Мукачэўскага раёну: Дыпломна работа. Ужгород, 1954, 156 (Выпускі Меркуловой В.А.)
- ²² *Лобач С.Г.* З дыялектнай лексікі Залесінцаў // *Жывое слова.* Мінск, 1978, 91.

Ж.Ж. Варбот*

К ЭТИМОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'БЫСТРЫЙ'. III**

Типы первичной мотивации

Основным методом систематизации семантического анализа в этимологии является ориентация на типы первичной мотивации, представленные в лексемах определенной лексической группы или лексемах с определенным значением. Этот метод предполагает предварительный анализ группы лексем с интересующей исследователя семантикой и достаточно прозрачным происхождением (ясными структурно-словообразовательными и семантическими связями). Определение типов семантических переходов, обнаруженных в образовании этой группы, становится далее базой для этимологизации "темных" лексем с тем же значением. Надежность определения типов первичной мотивации зависит от объема материала, точности его словообразовательного и семантического анализа, а также от степени языковой и диахронической однородности.

В настоящей статье предлагается опыт выявления первичной мотивации для славянских прилагательных со значением 'быстрый' ('celer'). Материалом для анализа послужили прилагательные с этой семантикой, известные славянским языкам в их современных литературных и диалектных разновидностях, а также в их истории. Привлечение аргументов разновременных образований, ослабляя весомость полученных результатов как базы для последующей этимологизации темных лексем определенного хронологического уровня, вместе с тем позволяет судить о степени диахронической устойчивости тех или иных типов первичной мотивации.

Цель работы – определение первичной мотивации для выражения семантики 'быстрый', то есть ближайшего семантического пред-

* © Ж.Ж. Варбот.

** Предшествующие статьи этой серии см.: *Этимология.* 1988–1990. М., 1992; *Этимология.* 1991–1993. М., 1994.